

САША ЧЕРНИКОВА

Папа
КРИМИНАЛ

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Саша Черникова

Папа-криминал

«Автор»

2026

Черникова С.

Папа-криминал / С. Черникова — «Автор», 2026

– Кыс-Кыс, открывай! Это я. Твоя Лапа! Я едва в обморок не падаю всеми своими килограммами. Этого просто не может быть! Сергей Лапочкин по прозвищу Лапа исчез семь лет назад. Я была уверена, что его убили. Погоревала, родила от этого бандита дочку и научилась прекрасно жить без него. А теперь двухметровая гора мышц стоит на моём пороге и заявляет:– Собирай вещи, пирожок! Вы с Катей едете ко мне.– С какой стати?!– За моей дочерью охотятся. Я вас защищу.– Моей дочерью! Ты ей никто!– Ошибаешься, Киса. Я её батя.– Ты семь лет где-то шлялся!– Зато теперь никуда не денусь. Вот этого я и боюсь больше всего. Потому что выяснилось: воскресший бандит Лапа не только богат, опасен и окружён охраной. Он намерен стать лучшим папой на свете. А заодно вернуть себе меня. Только я ему не прежняя влюблённая дурочка. И этому шкафу криминальному придётся сильно постараться, чтобы я снова назвала его своим. А он, кажется, как раз любит невозможные задачи.

© Черникова С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Сергей	5
Глава 2. Лариса	8
Глава 3. Лариса	11
Глава 4. Лариса	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Саша Черникова

Папа-криминал

Глава 1. Сергей

Я не люблю, когда ко мне заходят без стука.

У меня это правило простое: если у тебя есть руки, значит, стучишь. Я вот стучусь везде. Даже там, где мог бы войти с ноги. Потому что уважение – это не когда кланяются. Это когда мелкая, мать её, вещь, как стук в дверь, становится привычкой.

Бизон не постучал.

Дверь открывается так тихо, как будто её смазывали специально для таких моментов. Но я всё равно слышу. Я всегда всё слышу. Даже если в это время стою спиной к двери и разговариваю по телефону.

Бизон ходит как призрак на стероидах. Сто двадцать килограммов мышц и злости, и ни одного лишнего звука. Это пугает людей. Меня – нет. Меня уже ничем не напугаешь.

Я не поворачиваюсь. Сначала закончу разговор.

– Нет, – говорю в трубку. – Мы не обсуждаем. Мы делаем. Или вы ищете другого партнёра.

Пауза. Они всегда берут паузу. Думают, что я себе цену набиваю.

– Вот и отлично.

Сбрасываю. Кладу телефон на стол. Только тогда поворачиваюсь.

Бизон стоит у двери. Вылупился на меня и молчит.

Я знаю Бизона всю жизнь. Видел его с пробитой головой. Видел, как он улыбается, когда гасит конкурентов. Видел, как он плакал, когда мамку хоронил. Если он не стучится и не проходит, значит, какая-то жопа случилась.

– Ну? – киваю. Чуть-чуть. Как отмашку даю.

Он медленно подходит к столу. Останавливается напротив.

– Базар есть.

– Так базарь! – я сажусь и откидываюсь в кресле. – Давай резче, Бизон. Накаляешь.

Он проводит рукой по затылку. Крупная ладонь, как лопата. Волосы коротко. Это у него нервное. Плохо. Очень плохо.

– Это... не про бизнес. – Он смотрит прямо. Без моргания. – Это про тебя, Лапа.

– Конкретнее.

Он делает вдох. Грудью. Тяжело.

– Конкуренты планируют похитить твоего ребёнка, чтобы на тебя надавить.

Секунда как год. Я смотрю на обеспокоенную харю Бизона, и начинаю дико ржать.

– Ты бухой, что ли? – сквозь смех выдавливаю я. – У меня же нет детей, придурок. Ты чё городишь?

– Есть. Дочка. Сутулый как-то прознал про неё.

– Ты сейчас прикалываешься? – спрашиваю уже серьёзно.

– Нет. У тебя есть дочь, Серёга. Зовут Катя.

– Сколько ей?

– Шесть.

– Шесть... Лет? Месяцев? Дней?

– Лет.

– Мать кто?

– А ты сам не помнишь, с кем семь лет назад кувыркался?

– Да разве всех упомнишь? Думаешь, я список какой-то веду? Голову мне не морочь. Имя!

Он молчит секунду. Две. Три. Беся меня ещё больше.

– Лариса Кошкина.

Как будто кулаком в солнечное сплетение.

Ах ты ж сссу-у-у-мочка блестящая! В голове – взрывная волна. Картинка: рыжая, дикая, с веснушками на плечах. Грызёт семечки на балконе и смеётся над «Криминальным чтивом». Ларисонька-кисонька. Моя Киса.

– Да ну на..., – выдыхаю. – Не может быть.

– Может, – Бизон даже не моргает. Он тоже помнит Лариску. Таких девушек невозможно забыть.

– Киса...

Слово вырывается само. И стынет в воздухе.

– Вот их фотография, – протягивает мне свой телефон, и я залипаю в экране.

Фото сделано на детской площадке тайком, но качество снимка неплохое.

Девчушка. Маленькая совсем. В розовом платье дурачком, с бантами. Волосы тёмные как у меня. Глаза...

Тоже мои. Ямочка на подбородке... Нос, губы – всё моё!

Мне не нужен тест ДНК, чтобы понять, что она моя плоть и кровь.

Чёрт! Чёрт! Чёрт!

Катя – повторяю про себя. Пробую на язык её имя. Прокатываю как лезвие. Екатерина Сергеевна, значит?

Перевожу взгляд на её мамашку, и у меня от воспоминаний ширинка начинает стол подпирать. Лариска и раньше с формами была, а теперь раздалась, округлилась, ещё пышнее стала.

Я впиваюсь глазами в каждую чёрточку, и грудную клетку распирает так, что рёбра трещат. Когда-то я знал наизусть её тело, карту веснушек на плечах, этот запах, от которого башню сносило.

И я вижу родинку на шее. Я целовал её тысячу раз. Целовал, когда просыпался, когда засыпал, когда она злилась и когда смеялась. Мать вашу, да я знаю эту родинку лучше, чем своё отражение в зеркале.

Она смеётся, глядя на дочку. Волосы собраны в небрежный пучок на макушке – рыжие, бешенные, с прядями, которые выбились и обжигают шею с одной стороны. Когда-то они струились по подушке, размётывались веером, и я ловил их пальцами, наматывал на кулак, когда любил её.

Огнище! Пожарище!

Я слютаю, и слюна кажется густой, как патока. Меня мутит. Меня колотит. Внутри адреналин зашкаливает так, что я слышу, как стучит кровь в висках – бум-бум-бум, как барабан на казни. Я сжимаю телефон Бизона в руке и не могу оторваться от экрана.

Бизон едва ли не силой забирает у меня телефон, и я остаюсь с пустыми руками. Сажу в кресле, чувствуя, как спина прилипает к рубашке от пота.

Мне кажется, сейчас я встану, и стены раздвинутся. Нет, я встану, и у меня сердце выпрыгнет из груди.

– Сутулый, говоришь? – спрашиваю я, и в голосе появляется сталь. Та самая сталь, которую конкуренты боятся. – Он что, решил, что можно трогать мою кровь?

– Похоже на то, – Бизон стоит напротив, как скала. Его лопатообразная рука всё ещё затылок гладит, и я знаю, что это у него нервное, что он реально парится. – Они знают, где она живёт, знают, где детский садик. Он недавно крышу нашёл на новых рынках, и мы ему мешаем. Ты, Серёга, мешаешь. Он думает, что если взять ребёнка, ты сложишь руки и отойдёшь от дел.

– Я ему глаз на жопу натяну! Да я ему глотку перегрызу. Кишки вырву и на заборе пове-
шаю! Я выпотрошу всю его банду, я их кости по полям разбросаю, чтобы никто не нашёл!

Бизон молчит. Я встаю из-за стола, и меня шатает. Всё плывёт перед глазами.

Лариса... Катя...

– Едем к Ларисе! Прямо сейчас! – решительно говорю я.

Понятия не имею, что я сейчас ей буду врать, оправдывая своё многолетнее отсутствие, но сейчас важнее её безопасность и нашей малышки.

Глава 2. Лариса

– Мам, у меня не причёска, а фуфло!

Я замерла с расчёской в руке. У меня внутри что-то дёрнулось, и не то чтобы я оскорбилась, нет. Это было как удар под дых. Потому что я, блин, парикмахер. Я делаю стрижки за четыре тысячи, и сложное окрашивание, от которого женщины плачут от счастья. Я выиграла районный конкурс ещё в позапрошлом году, а моя шестилетняя дочь заявляет мне с утра пораньше, что у неё, видите ли, причёска фуфлыжная!

– Повтори, – говорю я, и голос у меня такой, будто я не мать, а следователь на допросе.

Катя смотрит на меня через зеркало. Наглая мордаха – как у папаши, прищурилась также и выдаёт:

– Фуфло!

– Девушка, я, между прочим, парикмахер!

– Ну и что?

Она произносит это так, будто моя профессия не стоит выеденного яйца. Будто я не вкалываю по двенадцать часов на ногах, не дышу химией, не мою головы чужим тёткам, которые вечно недовольны, и не получаю от этого кайф, потому что в конце они выходят красивыми и счастливыми.

– Владелица парикмахерской, – добавляю я.

– Ну и что?

Дочь пожимает плечами. Пожимает, как взрослая тётка, которая пробила потолок в «Газпроме», а я, судя по её лицу, для неё просто прислуга, которая не разбирается в волосах собственного ребёнка.

– погоди-ка! – прихожу в себя. – Это что за словечки такие? Ты где это слово "фуфло" услышала?

– В телевизоре. Бабуля сериал про бандитов смотрела. И мне пришлось смотреть вместе с ней.

Ох, мама! И это она утверждает, что её от бандитов с некоторых пор трясти начинает?

– Это слово нехорошее. Не произноси его больше.

– Слово, может, и нехорошее, но что с причёской будем делать? У меня там петух.

– Где?!

Она с важным видом тыкает пальцем в макушку, и этот жест такой комичный, что я готова рассмеяться, но сдерживаюсь.

– Вот.

Я наклоняюсь к её голове

– Это кудряшка вылезла, – говорю я. – Сейчас поправлю.

Вожу расчёской, делая вид, что исправляю "фуфло", и Катя успокаивается.

– Ну, вот, Катерина Сергевна, готово!

Слова вылетают сами. Я говорю это не думая, поправляя ей хвост, и только через секунду до меня доходит.

Катя замирает. Она смотрит на меня в зеркало, и я вижу, как брови у неё поднимаются.

– Я не Сергеевна.

Расчёска застывает в моей руке. Я чувствую, как у меня в пальцах немеет. Сердце даёт пропуск, бухает в рёбра, и я задерживаю дыхание, чтобы не выдать панику.

Катя продолжает разглядывать себя. Моего смятения она не заметила. Ей шесть лет, она смотрит на свои волосы, на резинку, на бант, и её мир крутится вокруг петухов на макушке и плюшевых зайцев.

– Я Кошкина Екатерина Ларисовна, – говорит она чётко, как на уроке.

– Ладно, Ларисовна, – соглашаюсь я.

Катя захихикала. И этот смех, звонкий, колючий пробивает меня насквозь.

Я смотрю на её лицо, и внутри у меня всё сжимается. Каждый божий день я смотрю на собственного ребёнка и вижу мужика, который подарил мне это сокровище.

Она один лишь раз спросила про своего отца. Я сказала, что его застрелили плохие дяди, и Катя больше ни разу про него не вспоминала. Вот и придумала, что она Ларисовна, раз отца больше нет в живых.

Катя спрыгивает со стула, хватая куртку – розовую, с единорожками, и начинается священнодействие. Молния заедает. Всегда. Я уже устала менять эту молнию, в ателье дядька смотрит на меня как на идиотку, мол, выкинь ты уже эту херню, а я не хочу, потому что Катя эту куртку обожает.

Пока она мучается, я бегу на кухню, залпом допиваю остывший кофе, потом хватаю сумку, проверяю ключи, телефон, кошелек.

Телефон начинает вибрировать в моей руке, когда мы выходим на лестничную площадку.

На экране высвечивается:

МАМА

Я сбрасываю. Сейчас полвосьмого утра, и я знаю, что она скажет. Она скажет: «Во что ты одела ребёнка? А что на завтрак? А почему не кашу? А я говорила...»

Телефон звонит снова. Катя смотрит на меня снизу вверх.

– Бабуля звонит.

– Я вижу.

– Почему не берёшь?

– Потому что мы с тобой опаздываем.

На самом деле не хочу портить себе настроение. После разговора с мамой оно всегда как полное фуфло. Господи, вот и ко мне прилипло это словечко.

Телефон звонит в третий раз. Я сдаюсь – мама мертвого задерёт по телефону, а я пока что живее всех живых. Нажимаю зелёную кнопку, и голос матери врывается в мою голову, как сирена.

– Лариса! Ты почему трубку не берёшь?! Не хочешь с матерью разговаривать?

– Мам, мы опаздываем.

– Я всего лишь хотела узнать, отвела ли ты ребёнка в сад.

– Веду.

– Пешком?

– Нет, мам. На вертолёте.

– Лариса, не ёрничай. На улице холодно.

– Семь минут идти.

– А я тебе говорила, купи машину.

– Отличный совет. Я ещё, наверное, яхту возьму на сдачу.

– Не приbedняйся, я знаю, что твой бандюган тебе немалые деньги оставил.

Вот. Опять двадцать пять. Мама думает, что я не с Серёжей Лапочкиным встречалась, а с Романом Абрамовичем. Ей много лет не дают покоя мои вымышленные миллиарды.

Мы с Катей спускаемся на первый этаж, и я толкаю плечом тяжёлую подъездную дверь.

– Мам, только не с утра, – говорю я в трубку.

– А что не с утра? Я правду говорю. Нормальные люди на такие деньги бизнес расширяют, а ты задрипаную халупу купила, эту свою цирюльню...

– Парикмахерскую, мам. Па-рик-ма-хер-скую.

– Какая разница?

– Большая, мам. Цирюльня звучит так, будто я мужикам бороды брею опасной бритвой в полуподвальном помещении. А у меня, между прочим, диплом.

– Надо было салон открыть нормальный. С ресепшеном, с персоналом...

– У меня нормальный салон. Две мойки и три кресла – это нормальный салон для спального района.

– Это не салон.

– Мам!

– Всё, молчу. Это твой бандит тебя научил с матерью огрызаться? Неблагодарная! Я тебе всю жизнь... Я тебя одну подняла, без отца, без помощи, я себя не жалела, я...

– Всё, мам, пока!

Я отключаюсь. Сбрасываю звонок и убираю телефон в карман. Поворачиваюсь к Кате, она смотрит на меня, и в глазах – смесь хитрости и нежности, которая убивает меня каждый день.

– Бабушка такая зануда, – говорит Катя.

– Я знаю, – киваю я. – Но других бабушек у нас нет.

В садик мы влетаем всё же вовремя, и я сдаю ребёнка воспитательнице.

Катя убегает, в группу. Я выхожу из садика, и первое, что вижу, – белую знакомую «Той-оту», припаркованную прямо напротив входа.

Нет.

Только не это.

Глава 3. Лариса

Я ускоряю шаг, но машина медленно едет следом. Стекло опускается, и оттуда выглядывает улыбающееся лицо.

– Ларис! Ну, стой!

– Я на работу опаздываю!

– Садись, довезу, – говорит Лёша и улыбается так широко, что у меня внутри что-то ёкает.

– Пешком дойду!

– Бесплатно!

Я останавливаюсь. Смотрю на него, и мне становится обидно и за него, и за себя. Я нормальная баба – не пью, не курю, работаю, хозяйственная. Лёша тоже нормальный – тридцать три года, разведённый, сын живёт с бывшей. Не пьёт, работает. Не стреляет в людей и не исчезает бесследно.

Что нам мешает быть вместе? Ничто. Просто не лежит к нему душа.

После Катюхиного папаши ни к кому не лежит.

– Садись уже, вредная.

Я сажусь. Потому что холодно. И потому что идти три квартала – это мука. И только поэтому.

– В парикмахерскую?

– Куда ещё?

– Можно на Мальдивы.

– На своей «Тойоте»?

– Я её помою, – говорит он. – И поедem!

– Тогда другое дело, – улыбаюсь я.

Лёша трогается с места, и я смотрю в окно. Город мелькает за стеклом. Дома, деревья, машины. Всё как всегда.

– Сегодня вечером свободна? – спрашивает он.

– Нет.

– Завтра?

– Тоже.

– Послезавтра?

– Лёш.

– Я просто выясняю расписание.

– Я не хочу на свидание.

– Почему?

– Потому что не хочу.

Он молчит несколько секунд. Потом поворачивает ко мне голову, и глаза у него становятся серьёзными.

– У тебя кто-то есть?

Я смотрю в окно. Деревья, дома, серое небо.

– Нет.

– Тогда в чём проблема? Я нормальный мужик, работаю, не пью, не бью. В чём проблема, Ларис?

Вот как объяснить нормальному человеку, что проблема умерла семь лет назад, но до сих пор сидит в моей груди как заноза, и я не могу её вытащить?

Никак. Поэтому я молчу.

Лёша останавливается у парикмахерской.

– Ларис, – говорит он. – Я не тороплю. Просто знай: если однажды захочешь выпить со мной кофе – предложение действует.

– Спасибо, – говорю я.

– Даже если мне будет восемьдесят.

– Тогда точно соглашусь.

– Вот зараза, – смеётся он.

Я выхожу из машины. Закрываю дверь, иду к парикмахерской. Над входом – яркая вывеска. «КИСА».

Я задираю голову. Вспоминаю, как придумала это название. Я открыла салон, мне нужно было имя. Я перебирала варианты: «Лариса», «Престиж», «Красота у дома». Ничего не подходило.

И тогда назвала «Киса», как ОН меня звал.

Целая жизнь прошла, а я всё помню тот вечер, будто это было вчера.

Мне двадцать три, я учусь в колледже, за спиной – рюкзак с конспектами. Мама попросила зайти в магазин: молоко, хлеб, курицу купить.

Поздний вечер. Холодно. Ноябрьская слякоть под ногами. Я выхожу из магазина с пакетом, как вдруг из темноты выныривает мужик.

Грязный пуховик, красный нос, глаза как у дохлой рыбы.

– Эй, красотка, – говорит он, и голос его – склизкий, как сопли. – Одна? Может, познакомимся? Я пивасом угощу.

Он тянет ко мне руку, и я отшатываюсь. Пакет с продуктами чуть не падает. Я пытаюсь обойти, но он перегораживает дорогу.

– Я спешу, простите, – говорю я, и голос дрожит.

Потому что на улице никого, потому что темно, потому что никто не поможет.

– Слышь, толстожопая, – он скалится. – Хорош выделяться!

Он снова тянется, и я уже понимаю: сейчас начнётся то, что всегда заканчивается плохо.

И тут – свет фар. Неожиданный, слепящий. Я зажмуриваюсь. Слышу звук тормозов – резкий, визгливый. И голос:

– Эй, ты! Руки убрал!

Я открываю глаза. Из грязной, видавшей виды «Хонды» выходит парень. Высокий. Очень высокий. Чёрная куртка, джинсы, короткая стрижка. Под фонарём я вижу его лицо – симпатичное, но будто кто-то на нём уже успел поездить: разбитая губа, синяк под глазом, содранные костяшки.

Он подходит к нам, и мужик делает шаг назад.

– Ты кто такой? – орёт пьяный, но голос его срывается на петушинный писк.

– Тот, кто тебя сейчас порвёт, как Тузик грелку, – говорит парень спокойно. – Исчезни!

Мужик моментально сваливает, и парень поворачивается ко мне.

– Цела? – спрашивает. – Испугалась, маленькая?

Я смотрю на него. На его разбитую губу. На его руки, как кувалды.

– Да, – выдыхаю я. – Спасибо.

Он улыбается. Криво, но тепло.

– Слушай, – говорит он. – Я на машине. Давай подвезу?

Он кивает на свою «Хонду», но я делаю шаг назад. Потому что и без того напугана. Если сяду в тачку, этот здоровяк меня точно того...

– Нет, – говорю я. – Я лучше пешком.

– Боишься?

Он себя в зеркало видел? Только глаза добрые и красивые, а в остальном – натуральный бандюган.

– Хорошо, – говорит он. – Тогда я тебя провожу.

– Только до подъезда, – уточняю я, стараясь не выдать своего страха.

– Только до подъезда, – кивает он.

Мы идём. Он идёт сзади, чуть в стороне. Я чувствую его спиной – он такой большой, что перекрывает свет фонарей. Мы молчим. Я слышу его шаги, ровные, уверенные. Он не говорит, не лезет с разговорами. Просто идёт и смотрит по сторонам.

У дома я останавливаюсь. Вижу соседей, вытаскивающих из своей машины какие-то вещи, и выдыхаю. В присутствии знакомых мне уже не так страшно.

– Спасибо, – говорю я парню. – За всё.

– Пустяки, – отвечает он. – Меня Серёга зовут.

– Лариса.

– Красивое имя, – говорит он, и в голосе появляется хрипотца. – Ларисонька-Кисонька. Я краснею. Прячу лицо в воротник куртки.

– До завтра, малышка, – бросает Сергей, поворачивается и уходит.

Широкими шагами, не оборачиваясь. Я стою и смотрю, как его фигура растворяется в темноте.

На следующее утро я выхожу из дома и вижу его. Стоит у подъезда, прислонившись к своей «Хонде». В руках – огромный букет красных роз. Они такие яркие, такие пышные, что кажется, он держит целое облако.

Я останавливаюсь. Сердце начинает биться где-то в горле.

– Привет, Киса, – улыбается он. – Держи! – суёт мне розы.

– Привет, Сергей, – говорю я. – Ты с ума сошёл?

– Возможно, – он улыбается.

– Садись, малышка, – он открывает дверцу машины. – Подвезу, куда надо.

Я беру букет. Пахнет космически. Мне таких букетов в жизни не дарили. И малышкой меня никто не называл. Толстожопой – это да. С моей пышной комплекцией меньше всего я похожа на малышку, но рядом с этим громилой, я действительно выгляжу хрупенькой.

Я сажусь, всё ещё пребывая в приятном шоке. Он ведёт машину аккуратно, но уверенно. Поглядывает на меня, и на лице – та самая улыбка. Я жалею, что не накрасилась. Откуда мне было знать, что он приедет?

Серёжа привозит меня к колледжу. Не в лес, не на заброшку, чтобы изнасиловать и расчленить, но всё равно я знатно хапаю адреналина.

– Во сколько тебя забрать? – неожиданно спрашивает он, и тут я понимаю, что вечером мне и будет хана, а это всё было для усмирения моей бдительности.

– Я буду с подругами, так что...

– Ладно, и подруг отвезу. Ты только скажи ко сколько подскочить?

Мне ничего не остаётся, как назвать время, а потом попросить одноклассниц сопроводить меня в этой поездке.

Можно было соврать, убежать, но он уже знал, где я живу, да и зацепил он меня чем-то.

Серёжка Лапочкин был невозможный. Сорви-голова. Дрался. Гонял на машине как ненормальный. Мог исчезнуть на сутки, а потом появиться с охапкой цветов и виноватой рожей. Я знала, чем он занимается. Не всё. Но достаточно.

Мама узнала и устроила истерику.

– Лора, он же бандит!

– Мам, он бизнесмен. Разный бизнес.

– Это теперь так называется?

Я ушла из дома не раздумывая, переехала к нему на съёмную квартиру. Была молодая, глупая. Мне казалось, любовь всё исправляет. Особенно когда он обнимал меня – двухметровый, сбивал с ног и говорил: «Кыс-Кыс, не бойся ничего. Я рядом».

Я и не боялась. Пока однажды он не исчез.

Утром поцеловал меня сонную.

– Я скоро, малышка, – были его последние слова.

А через месяц я поняла, что беременна.

Я стояла с тестом в руках, смотрела на две полоски, и мне хотелось выть. Потому что его рядом не было. Не было поддержки, не было ни-че-го. Только эта дурацкая сумка с деньгами, которую я нашла в шкафу.

Я тогда решила: его точно завалили. Иначе он бы вернулся. Такими бабками не разбрасываются.

Семь лет прошло.

Нормальные женщины за это время успевают выйти замуж, развестись, снова выйти и ещё пожитки

бывшего через суд поделить.

А я всё разговариваю с вывеской.

– Ну что, Лапа? – говорю я громко. – Доволен?

Конечно, он не ответил.

Мёртвые мужики вообще очень удобные. Не изменяют, не спорят, не разбрасывают носки. И главное – никогда не возвращаются.

Глава 4. Лариса

Когда две клиентки подряд отменяют запись, нормальная женщина радуется.

У неё внезапно появляется свободное время. Можно спокойно выпить кофе, пройтись по магазинам, полежать лицом в подушку и никому ничего не быть должной хотя бы час. Можно посмотреть сериал, можно просто посидеть в тишине.

Я нормальной женщиной никогда не была, поэтому мчалась домой с двумя тяжеленными пакетами продуктов. В голове вертелся список: суп, отбивные, пол, стирка, разобрать сушилку, не сдохнуть до садика.

В такие моменты я понимала, для чего нужны мужья – таскать пакеты.

Хотя бы.

Я ввалилась в квартиру, закатала рукава, включила музыку, чтобы не слышать, как ноет мой внутренний голос, и взялась за дело.

Через час на плите уже булькал суп, и запах отбивных витал по квартире.

До садика ещё сорок минут. Отлично. Успею помыть пол.

Не знаю, зачем мне понадобилось мыть пол именно сейчас. Наверное, потому что у каждой женщины есть внутренний механизм, который срабатывает в самый неподходящий момент. Ты не можешь уснуть? Помой пол. Ты не знаешь, как жить дальше? Помой холодильник. Ты готова убить человека? Помой окна, пока тебя не посадили.

Я почти домыла прихожую, когда в дверь позвонили.

– Кто? – спросила я, мысленно обматерив того, кто припёрся так не вовремя, когда у меня тот ещё видок.

Тишина. Я нахмурилась. Может, соседи? Может, почтальон? Я поставила швабру к стене и подошла к двери.

– Кто там?

С той стороны раздался голос.

Низкий. Весёлый. С лёгкой хрипотцой, от которой у меня внутри всё перевернулось. Я узнала бы его из тысячи. Из миллиона. Этот голос шептал мне ночью всякие неприличные вещи. Этот голос кричал через всю квартиру, что я опять надела его футболку. Этим голосом смеялись так, что я сама начинала хохотать, не понимая причины.

– Кыс-Кыс, открывай! Это я. Твоя Лапа!

Я перестала дышать.

Нет.

Нет-нет-нет.

Быть не может.

Семь лет прошло. Семь. Лет.

– Кто? – переспросила я, и голос сорвался.

На этот раз голос за дверью стал чуть тише, но был таким же тёплым.

– Малышка, открывай! Давай быстрее, дело срочное!

Я едва не села прямо на мокрый пол.

Это он.

Господи! Это реально он!

Рука потянулась к замку, и пальцы дрожали, как у пьяной. Я повернула ключ, дёрнула ручку, распахнула дверь и ахнула.

Серёжа.

Живой, огромный, настоящий.

Стоит передо мной так, будто ушёл вчера за хлебом и слегка задержался.

Нет, не Серёжа. Теперь уже Сергей. Он изменился. Конечно, изменился. Семь лет – не семь дней.

Стал шире. Тяжелее. В плечах теперь вообще дверной проём перекрывал почти полностью, будто специально тренировался, чтобы выглядеть внушительнее. Волосы короткие, почти под ноль, виски тронула седина. Аккуратная тёмная борода. Не та лёгкая небритость, которую я помнила, а та, что делает мужчину старше и серьезнее. Под дорогим чёрным пальто – костюм с иголки, идеально сидящий по фигуре.

Он стоит в дверях, и подъездный свет падает на его плечи. За ним – двое мужчин. Высокие, такие же широкие, в одинаковых пальто. Громилы. Охрана. Сергей даже не обернулся на них, просто поднял руку в расслабленном жесте – и они остались стоять на лестничной клетке.

Потом он повернулся ко мне. И улыбнулся.

У меня сердце сделало сальто от его улыбки, шлёпнулось на пол и попыталось уползти за дверь.

– Ну, привет, Кыс-Кыс, – сказал Лапочкин. Голос тёплый, как плед. – Соскучилась?

Я вцепилась в дверную ручку. В голове кружился вихрь. Злость. Страх. Радость. Ярость. Всё вместе. Комок, который нельзя проглотить.

– Ты... – Это всё, на что меня хватило.

Сергей улыбнулся ещё шире и ввалился ко мне в прихожую.

– Я.

Я оглядела его с головы до ног. Потом ещё раз.

– Ты живой? – переспросила я, и голос дрогнул.

– Живой, конечно.

Я подняла руку и осторожно ткнула пальцем в его грудь. В твёрдые, каменные мышцы.

– Потрогай, не бойся, – разрешил Сергей. – Да ты везде потрогай!

Он схватил меня за руку и приложил её к своей ширинке. Я отскочила от него, как ошпаренная, а Серёжа расхохотался.

Смешно тебе, сука?

Этот смех добил меня окончательно. Я помнила его. Чёрт. Я всё помнила.

Смотрела на него, и внутри всё кричало. Я должна была кинуться ему на шею. Ударить его. Поцеловать. Плакать. Смеяться.

Вместо этого я сжала челюсти и перевела взгляд за его спину.

Двое громил стояли у лестницы. Одного я вспомнила – Бизон. Серёжа с ним и раньше дружбу водил. Он поймал мой взгляд и вежливо кивнул.

Вежливо!

Вот так они, наверное, перед пытками и делают, чтобы человек расслабился?

Деньги...

Лапочкин пришёл за деньгами. Зачем же ещё?

Про Катю он не знает. Про меня семь лет не вспоминал. Значит, вспомнил про сумку?

А я уже всё потратила.

Господи.

Я снова метнула взгляд на открытую дверь. Гориллы в пальто стояли там. Бизон переминался с ноги на ногу, другой разглядывал лифт с таким видом, будто оценивал его на предмет надёжности.

Потом я подняла глаза на улыбающийся бицепс с бородой.

Сколько он потребует? Всё до копейки? С процентами? Банковскими или бандитскими?

Я представила, как продаю квартиру. Как закрываю парикмахерскую. Как мы с Катей переезжаем к маме, которая, конечно же, скажет: «Лора, а я ведь тебе говорила!».

А потом Сергей сделал шаг вперёд, и я инстинктивно отступила. Рука сама собой потянулась к швабре.

Сейчас я тебе устрою, мамонт воскресший! Я так просто не дамся! Умру, но ногой дрыгну!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.